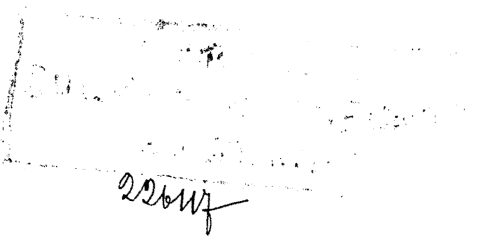
№ 10.— БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».— № 10.

СТАЧКА И БОЙКОТЪ

Переводъ съ латышскаго

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.



СТАЧКА И БОЙКОТЪ *).

Что значитъ стачка, это вамъ, дорогіе товарищи, отчасти уже извѣстно. Если рабочіе разомъ бросаютъ работу и отказываются продолжать ее, пока работодатель (фабрикантъ, заводчикъ, хозяинъ) не исполнитъ ихъ требованій или не отмѣнитъ своихъ нововведеній, то о такихъ рабочихъ говорятъ, что они забастовали, устроили стачку.

Въ большей или меньшей мѣрѣ такія стачки были во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ только были рабочіе и работодатели. Но характеръ, значеніе и обширность стачекъ были столь же различны, какъ различны сами рабочіе. Потому не говорятъ «устроили стачку», когда рѣчь идетъ о рабахъ или крѣпостныхъ. Когда во времена оны евреи въ Египтѣ отказались обжигать кирпичи, или когда еще во времена не столь давнія крѣпостные отказывались становиться на работу помѣщика, то это не называли *стачкой*, а бунтомъ, потому что протестующіе не были свободными рабочими, получающими заработную плату, а крѣпостными или рабами. Но есть еще одно большое различіе между былыми волненіями и теперешними стачками. Гдѣ бы ни происходили волненія въ прежнія времена, они всегда сопровождались насиліемъ противъ притѣснителей-господъ, или ихъ собственности, (поджоги, разгромы). Въ деревнѣ было мало «господъ», а потому убійство одного изъ нихъ могло задать страху его преемникамъ: было еще мало солдатъ и разставить ихъ по всѣмъ экономіямъ для охраны помѣщиковъ не было никакой возможности.

Когда сжигали добро помѣщика, то результатъ былъ тотъ же: не было тогда страховыхъ обществъ,

*) Streiks un boifots. (Sozialdemokratu biblioteka № 9).

которыя выплачивали бы страховыя преміи. Другое дѣло теперь: поджигатель теперь не грозный судія для помѣщика, а отецъ-благодѣтель, потому что страховое общество заплатитъ премію гораздо большую, чѣмъ стоитъ сгорѣвшее имущество.

Теперь бы баринъ самъ поджегъ, если бы не боялся каторги!

Насиліе сопровождало также и первыя стачки фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Это легко объяснить. Первое наглядное послѣдствіе введенія машинъ было то, что многіе ремесленники остались безъ работы, оказались «лишними», потому что теперь машины выполняли ту работу, которую прежде рабочіе производили своими руками; напримѣръ, заграницею многія тысячи ткачей остались безъ работы; когда они вздумали конкурировать (соперничать) съ машиною, то ихъ заработная плата оказалась такою ничтожною, что они и ихъ семейства должны были голодать въ прямомъ значеніи этого слова. Казалось не было ничего легче, какъ пойти и сжечь эту фабрику, которая приносила съ собою всѣ эти бѣдствія и лишенія. Волненія, съ поджогомъ фабрикъ были тогда очень часты. Тому кто читалъ драму Гергарта Гауптмана «Ткачи» *), могу ручаться, что описанныя тамъ событія—факты дѣйствительной жизни, а не выдумка писателя.

Въ Англіи былъ даже изданъ законъ, грозившій смертною казнью поджигателямъ фабрикъ. Но не только одни ремесленники возставали противъ фабрикъ и новыхъ машинъ. Въ тѣ времена, когда одно важное изобрѣтеніе быстро слѣдовало за другимъ, работа фабричнаго рабочаго была очень не устойчива: каждая новая машина лишала работы и нищенскаго заработка тысячи труженниковъ. Англійскіе рабочіе союзы возставали и противились введенію новыхъ машинъ, но разгромъ фабрикъ и разрушенія машинъ становятся все рѣже и рѣже: рабочіе приходятъ къ убѣжденію, что не машина виновница ихъ бѣдствій, что машина, напротивъ, въ будущемъ можетъ сдѣлаться благодѣтельницей человѣчества.

То же самое мы видимъ въ Россіи, читая судебныя

*) Библіотека «Жизни» № 1.

разбирательства о рабочихъ «безпорядкахъ», мы видимъ, что въ остальныхъ мѣстностяхъ, гдѣ рабочее движеніе только еще начинается, оно часто сопровождается насиліемъ со стороны рабочихъ. Напротивъ, въ мѣстностяхъ съ просвѣщеннымъ рабочимъ населеніемъ стачки проходятъ спокойно и единственными нарушителями порядка являются полиція, жандармы, солдаты. Но если и въ такихъ мѣстностяхъ рабочіе жгутъ, громятъ, то это ужъ не обычная стачка, а возстаніе, или вѣрнѣе война, какъ это было, напримѣръ, въ Ригѣ въ 1899 году, въ Петербургѣ 1901 года.

Если мы посмотримъ на *исторію развитія стачекъ*, то на первомъ мѣстѣ стоятъ стачки ради повышенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня. Заработная плата единственное средство существованія рабочаго. Если заработная плата недостаточна, низка, рабочій терпитъ разныя лишенія, даже голодъ. Это понимаетъ каждый рабочій, какъ бы мало развитъ онъ не былъ и потому такія стачки бываютъ самыми упорными, и потому на святой Руси слово «стачка» упомянуто впервые въ законѣ, запрещающемъ стачки ради повышенія заработной платы.

Чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня пріобрѣтаетъ свое дѣйствительное значеніе только на фабрикѣ.

Рабочій ремесленникъ можетъ успѣшно бороться противъ переутомленія: съ усталостью онъ просто начинаетъ медленнѣе работать, и мастеръ самъ скоро убѣждается, *что ему нѣтъ выгоды* отъ черезъ-чуръ продолжительнаго рабочаго дня. Для мастера выгодно, если работаютъ менѣе продолжительно, но за то успѣшнѣе, иначе ему приходится тратить лишнее на освѣщеніе и т. д.

Этимъ и объясняется, почему уже со временъ Екатерины II для ремесленниковъ установленъ 10-часовый рабочій день. Другое дѣло на фабрикѣ. Машина движется безпрерывно и рабочій по неволѣ долженъ спѣшить за нею. Самая ничтожная невнимательность—и готова бѣда,—штрафъ, а то и смерть грозятъ рабочему на каждомъ шагу. Рабочій возвращается домой смертельно усталый и каждый такой рабочій день—дня на два сокращаетъ его жизнь. Но фабриканту отъ этого только чистая прибыль: если машины идутъ днемъ и

ночью, то онъ производитъ съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ вдвое, даже втрое больше. *)

Но сама фабрика объединяетъ массы рабочихъ: она сковываетъ ихъ какъ будто цѣпями; она ясно показываетъ рабочимъ ихъ общіе интересы. Фабрика стала: всѣ рабочіе остаются безъ работы; заработная плата уменьшается всѣмъ рабочимъ разомъ; рабочій день удлиняется всѣмъ рабочимъ вмѣстѣ. Какъ легко теперь прійти къ мысли,—*требовать* увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня *всѣмъ вмѣстѣ разомъ*, всѣмъ рабочимъ сообща! Новыя машины требуютъ извѣстныхъ знаній, сноровки, которую хотя, правда, можно пріобрѣсти очень скоро, но откуда же взять сразу столько новыхъ рабочихъ силъ, когда старыя отказались работать? Фабрику приходится на время закрыть, и милліонный капиталъ лежитъ безъ дѣла, а главное безъ *прибыли;* при томъ товары уже заказаны и ихъ нужно во время сдать.

Въ этомъ случаѣ ясно значеніе стачки, и фабрикантъ долженъ подумать, не выгоднѣе ли исполнить нѣкоторыя или даже всѣ требованія рабочихъ? Это простой расчетъ. И если бы фабрикантъ былъ бы увѣренъ, что рабочіе могутъ выдержать продолжительную стачку, то онъ уступалъ бы чаще и больше.

Но бѣда въ томъ, что у рабочихъ нѣтъ запаса на черный день; недѣля, другая безъ заработка и въ домѣ —голодъ. Но и фабрикантъ знаетъ, что голодъ не тетка.

Такимъ образомъ фабрикантъ расчитываетъ, обсуждаетъ дѣло со всѣхъ сторонъ и, если ему кажется, что уступка выгоднѣе борьбы, то онъ соглашается выполнить требованія рабочихъ.

Но фабрикантъ не всегда такъ разсуждаетъ. Въ некультурныхъ, отсталыхъ странахъ, гдѣ фабрикантъ привыкъ смотрѣть на рабочихъ, какъ на «скотовъ», вьючныхъ «животныхъ», онъ каждое требованіе рабочихъ толкуетъ какъ бунтъ, возстаніе, кричитъ «караулъ», солдатъ, казаковъ сюда! Законъ требуетъ отъ фабри-

*) Здѣсь я долженъ прибавить, что какъ только ремесленникъ принужденъ вступить въ конкуренцію съ фабрикой, его рабочій день тотчасъ становится гораздо длиннѣе, чѣмъ на фабрикѣ. Выше сказанное относится только *къ до-фабричнымъ временамъ*, временамъ, когда фабрикъ еще не существовало.

канта, ради его собственной выгоды, веденія бухгалтерскихъ книгъ, и онъ самъ изъ своихъ собственныхъ бухгалтерскихъ книгъ часто видитъ, что не всегда выгодно звать городового, жандарма, а лучше пойти на уступки. Но если только въ одной фабрикѣ забастовали, то фабриканту еще легко себя спасти отъ непріятныхъ послѣдствій забастовки: онъ забываетъ на время конкурренцію и заказываетъ нужные товары у своего сосѣда, или получаетъ рабочихъ, которые производили ту же работу на другой фабрикѣ.

Одно изъ вопіющихъ золъ капиталистическаго производства то, что всегда существуетъ «запасная армія», что постоянно часть рабочихъ не занята; изъ этого видно, что не достаточно сплотиться, объединиться рабочимъ *одной* фабрики, но что для успѣшной борьбы надо объединиться въ данномъ городѣ *всѣмъ рабочимъ данной отрасли производства*. Но и этого недостаточно.

При первыхъ же стачкахъ рабочіе увидѣли, что во время стачки фабриканты выписывали рабочихъ изъ другихъ городовъ.

Тамошніе рабочіе не могли имѣть ничего противъ того, что одна часть ихъ уходила въ другой городъ, въ другую мѣстность; они даже охотно давали имъ деньги на дорогу, ибо уменьшеніе числа рабочихъ на мѣстѣ поднимало заработную плату. Это то же самое, что бываетъ съ товарами: чѣмъ меньше товаровъ и больше спросъ на нихъ, тѣмъ товары дороже.

Такимъ образомъ рабочіе поняли, что надо *соединяться также и съ рабочими другихъ городовъ*. Но недостаточно и этого. При машинномъ производствѣ работа во многихъ фабрикахъ однородна, перейти отъ одной машины къ другой нетрудно, потому рабочіе должны стараться объединить не только своихъ товарищей по производству, но и рабочихъ всѣхъ однородныхъ производствъ, даже больше—*всѣхъ рабочихъ данной мѣстности*. Но фабрикантъ не останавливается передъ вызовомъ рабочихъ изъ другихъ странъ: фабрикантъ на югѣ Россіи выписываетъ во время стачки рабочихъ изъ сѣверныхъ губерній, въ Прибалтійскомъ краѣ—изъ Литвы и Бѣлорусіи, въ Германіи изъ Польши, въ Англіи—изъ Германіи, въ Америкѣ и въ послѣднее время даже въ Европѣ—изъ Китая.

Такимъ образомъ сами обстоятельства, естествен-

ный ходъ вещей, приводитъ всѣхъ рабочихъ всего міра къ объединенію.

Но съ развитіемъ рабочаго движенія развиваются и ихъ средства. Стачки дѣлаются все обширнѣе. Иногда стачка распространяется на всѣ фабрики даннаго города, даже всей страны.

Сами фабриканты начинаютъ объединяться и предполагаютъ, что самое лучшее средство борьбы съ рабочими, это лишить ихъ средствъ борьбы — принудить ихъ кассы къ чрезмѣрнымъ расходамъ.

Гдѣ существуютъ обширные рабочіе союзы, тамъ стачка въ одномъ городѣ сравнительно легкое дѣло,— потому что рабочіе другихъ городовъ продолжаютъ платить свои взносы въ центральную кассу; по этому фабриканты въ новѣйшее время пускаютъ въ дѣло слѣдующее средство: они увольняютъ рабочихъ даннаго производства во всѣхъ или многихъ городахъ. Этимъ они заставляютъ кассы рабочихъ израсходовать въ короткій промежутокъ времени всѣ свои сбереженія, кассы остаются надолго пустыми, если не помогутъ рабочіе другихъ производствъ. Но и рабочіе, видя что въ одной фабрикѣ забастовали, а фабрикантъ заказываетъ ему нужные товары у другихъ фабрикантовъ или получаетъ отъ нихъ помощь, могутъ найти удобнымъ забастовать и на этихъ фабрикахъ. Такую забастовку называютъ *стачкою изъ симпатіи:* рабочіе забастовали изъ сочувствія къ своимъ товарищамъ.

Такъ разнообразны бываютъ стачки, ихъ причины и ихъ размѣры. Но это только одна сторона историческаго значенія стачекъ. Ихъ непосредственными слѣдствіями въ первое время было увеличеніе заработной платы или сокращеніе рабочаго дня, но это не все.

Нужно помнить, что люди, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, не сейчасъ почувствовали себя свободными и даже теперь еще не чувствуютъ себя вполнѣ равными «господамъ». Посмотрите только на впечатлѣніе, которое производитъ на простолюдина «баринъ», даже совсѣмъ чужой! Снять передъ нимъ шапку и стоять съ непокрытой головой — это самое меньшее. Что и говорить о подчиненіи и раболѣпіи передъ «своимъ барином», «паномъ», напримѣръ фабрикантомъ. И если это встрѣчается теперь сплошь и

рядомъ, то что же было лѣтъ 10, 15, 20 тому назадъ? Работодатель-баринъ былъ для рабочаго какимъ то высшимъ существомъ.

Первая стачка была не только протестъ,—противъ ужасныхъ условій труда, но и протестъ противъ самаго барства вообще. Человѣкъ, который осмѣливается присоединиться къ забастовавшимъ, не смотритъ больше на «барина», какъ на высшее существо.

Это было важнымъ шагомъ, впередъ—признать «барина» такимъ же грѣшнымъ смертнымъ, какъ и всѣ, противъ котораго нужно бороться тѣмъ же общечеловѣческими средствами. Въ жизни есть много предразсудковъ, у которыхъ нѣтъ ровно никакихъ основаній, но которые тѣмъ не менѣе крѣпко держатся въ человѣческомъ обществѣ. Преклоненіе передъ «барствомъ» одинъ изъ такихъ предразсудковъ.

Но какъ я уже сказалъ, первая стачка выломала первый камень изъ его фундамента, а послѣдующія стачки разрушатъ его до конца.

Это чувствуетъ и знаетъ работодатель-фабрикантъ и потому онъ часто, скрѣпя сердце, готовъ лучше потерпѣть убытокъ, чѣмъ признать себя побѣжденнымъ въ стачкѣ. До тѣхъ поръ пока люди считали «барина», какъ бы «посланнаго Господомъ Богомъ», не нужны были законы, запрещающіе стачки, не нужны были жандармы, преслѣдующіе рабочихъ. Но какъ только предразсудокъ барства началъ исчезать въ рабочей средѣ, какъ только появились стачки, «господа» тотчасъ потребовали отъ правительства законовъ, которые запрещали бы стачки и наказывали бы забастовавшихъ, потребовали они и жандармовъ, которые преслѣдовали бы рабочихъ. Барину нѣмцу или поляку непріятенъ русскій языкъ, но онъ обѣими руками привѣтствуетъ своихъ покровителей русскихъ жандармовъ и казаковъ.

Появляются новыя привидѣнія, для запугиванья рабочихъ: *штыки*, *тюрьма*, *каторга*, *Сибирь!* Сидѣть въ тюрьмѣ—«стыдно», и это удержитъ рабочаго! Но это только новый предразсудокъ. Если рабочій пострадаетъ, попадетъ въ тюрьму ради рабочаго дѣла, то это не *стыдъ* для него, а *честь*.

Его имя съ честью и гордостью произнесутъ въ

рабочей средѣ. а настоящая, дѣйствительная *честь* каждаго рабочаго — уваженіе товарищей.

Но сошлютъ въ другую губернію, въ далекую Сибирь, тамъ *съ голоду умрешь*! Но можетъ ли это испугать рабочаго въ то время когда фабриканты, ради своихъ выгодъ, выбрасываютъ на улицу, тысячи рабочихъ, и эти «безработные» умираютъ отъ голода, тифа, цынги... Можно ли сравнить голодную смерть ради *рабочаго дѣла*, ради *будущаго человѣчества* съ голодною смертью ради кошелька фабриканта?

Но штыки, они вѣдь убиваютъ рабочихъ, идущихъ противъ фабриканта? Но знайте, что *ежедневно* во всѣхъ фабрикахъ на Руси погибаетъ отъ такъ называемыхъ «несчастныхъ случаевъ» больше людей, чѣмъ *за цѣлый годъ* отъ солдатскихъ и жандармскихъ штыковъ и пуль. И все-таки рабочіе не трусятъ итти на фабрику ковать счастье для фабриканта. Но можно ли сравнить смерть *ради свободы и товарищей* со смертью ради прибыли фабриканта?

Страхъ и боязнь — предразсудокъ, который еще не разрушенъ, но фундаментъ и этого предразсудка тоже начинаетъ шататься. Поплатившіеся тюрьмою гордятся тѣмъ, что на ихъ долю выпало пострадать за рабочее дѣло.

Первыя жертвы на улицахъ города Риги въ 1899 году будутъ записаны красными буквами въ исторіи освобожденія Прибалтійскаго края. Ихъ могилы будутъ священны для латышскихъ рабочихъ. Майскія событія 1901 года на Обуховскомъ заводѣ займутъ золотую страницу въ русскомъ рабочемъ движеніи. Царское правительство, очень чуткое ко всякой грозящей ему опасности, отличило обуховскихъ рабочихъ: царскій судъ вынесъ по ихъ дѣлу *небывало жестокій приговоръ*. Но рабочій классъ, за дѣло котораго они пострадали, понимаетъ ихъ, онъ горячо имъ сочувствуетъ, признаетъ ихъ своими лучшими сынами. Они уносятъ съ собою на каторгу и въ тюрьмы твердую увѣренность, что жертвы приносятся ими не даромъ, что начатое ими дѣло будетъ доведено до конца растущей силой пролетаріата.

Вмѣстѣ съ С.-Петербургскимъ Комитетомъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи мы повторяемъ: «Осужденные товарищи! Намъ больно,

что мы теперь не въ силахъ избавить васъ отъ тяжелой доли. Будьте увѣрены, что ваша борьба и ваши страданія пробудили къ сознательной жизни и безсмертной борьбѣ много дремавшихъ людей. Такъ пусть же на каторгѣ, суровой и холодной, и въ душной тюрьмѣ вамъ свѣтитъ и грѣетъ васъ надежда, что цѣною своихъ страданій вы приблизили день освобожденія всего рабочаго класса».

Когда предразсудокъ — «страхъ» окончательно отойдетъ въ область преданій, мы тогда будемъ уже близко къ своей цѣли!

Посмотримъ, что дѣлается заграницей. И заграницею иногда стрѣляютъ въ стачечниковъ, но уже не вездѣ. Въ Англіи о такихъ событіяхъ давно не слышно. Предразсудка «барства» тамъ тоже гораздо меньше, чѣмъ у насъ: тамъ фабрикантъ столько же разъ снимаетъ шапку передъ рабочимъ, какъ и рабочіе передъ фабрикантомъ и они, какъ равные, протягиваютъ другъ другу руку.

Конечно, и тамъ не вездѣ одинаково. Тамъ передъ каждою стачкою «баринъ» ведетъ долгіе переговоры съ рабочими, или, вѣрнѣе, съ представителями рабочихъ союзовъ, потому что условія найма тамъ обыкновенно устанавливаются не съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, а со всѣми вмѣстѣ. Нерѣдко дѣло улаживается мирнымъ путемъ или передается третейскому суду. И въ самой свободной странѣ всего свѣта, въ Новой Зеландіи, гдѣ правительство выбираютъ сами рабочіе, стачекъ почти не бываетъ, такъ какъ каждый споръ разбирается *третейскимъ судомъ*, устанавливающимъ заработную плату, количество суточной работы или продолжительность рабочаго дня (семь съ половиною и восемь часовъ въ сутки).

Конечно, и тамъ рабочій еще не освободился, и тамъ онъ вырабатываетъ прибыль для фабриканта, но имъ уже достигнуто то, чего еще не снится большинству русскихъ рабочихъ.

И все это достигнуто собственными силами рабочихъ. Если фабрикантъ будетъ увѣренъ, что мы, дорогіе товарищи, не боимся ни его самого, ни его солдатъ и жандармовъ, то онъ заговоритъ съ нами съ уваженіемъ, начнетъ на насъ смотрѣть, какъ на людей, себѣ подобныхъ. Онъ насъ, конечно, поста-

рается надуть и обмануть, какъ онъ обманываетъ своего брата-фабриканта, но онъ остережется слишкомъ часто призывать солдатъ и жандармовъ, а постарается войти съ нами въ соглашеніе.

Какъ я уже сказалъ, первая стачка была первымъ шагомъ по этому пути и при томъ въ большей степени, если рабочіе ее выиграли, въ меньшей—если проиграли.

Но мы видѣли еще больше. Въ стачкѣ рабочіе впервые вступили въ борьбу съ фабрикантомъ, работодателемъ. Это и былъ первый шагъ къ объединенію рабочихъ. До тѣхъ поръ рабочій смотрѣлъ на рабочаго то какъ на конкурента (соперника), то какъ на товарища по работѣ, въ стачкѣ рабочіе впервые вступили въ борьбу съ общимъ врагомъ какъ товарищи-соратники. Каждое внѣшнее явленіе оставляетъ слѣдъ въ умѣ человѣка, въ его чувствахъ, мысляхъ, убѣжденіяхъ.

И первая стачка сѣетъ въ сердца рабочихъ первыя сѣмена братства, закладываетъ первые камни, на которыхъ воздвигнется великое зданіе союза рабочихъ всего свѣта!

Но и фабрикантъ не дремлетъ. Онъ знаетъ, что съ паденіемъ предразсудковъ рушится и его патріархальная мощь, и что сплоченность рабочихъ—смерть для его экономическаго господства. Онъ старается воспрепятствовать соединенію, организаціи рабочихъ съ помощью законовъ, запрещающихъ рабочіе союзы, или путемъ увольненія организованныхъ рабочихъ. И если онъ не можетъ помѣшать объединенію рабочихъ, какъ напримѣръ, въ Америкѣ или въ Англіи, то онъ искусственно сѣетъ и поддерживаетъ раздоръ между организаціями рабочихъ разныхъ производствъ. Потому фабриканту горше всего кажутся такъ называемыя *стачки изъ симпатіи*, которыя рабочіе одного производства устраиваютъ изъ сочувствія къ рабочимъ другого производства. И еще ни въ одной стачкѣ американскіе фабриканты не держались такъ упорно, какъ въ послѣднихъ стачкахъ въ Чикаго (огромномъ промышленномъ городѣ въ Сѣверной Америкѣ) въ 1900 г., когда дѣло шло о борьбѣ противъ соединенія рабочихъ обществъ или союзовъ разныхъ производствъ. И это не только въ Америкѣ! Развѣ наши фабриканты не натравливаютъ другъ на друга рабочихъ разныхъ національностей или производствъ: русскихъ противъ поля-

ковъ и евреевъ, латышей противъ русскихъ и литовцевъ, поляковъ противъ евреевъ и русскихъ, всѣхъ рабочихъ противъ иностранцевъ! Но все это напрасно: великое зданіе всемірнаго рабочаго союза воздвигается и оно воздвигнется вопреки всѣмъ усиліямъ фабрикантовъ разъединить рабочихъ.

Причины и тактика стачекъ.

Изъ причинъ возникновенія стачекъ на первомъ мѣстѣ стоитъ заработная плата. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена большая часть стачекъ возникла ради заработной платы, именно отъ 60 до 80 изъ 100.

Эти стачки самыя упорныя, и потому нашъ законъ прежде всего *запрещаетъ устраивать стачки ради заработной платы.* Это вполнѣ понятно. Заработная плата источникъ существованія рабочаго, безъ заработной платы—голодъ; съ уменьшеніемъ заработной платы наступаетъ нужда; съ увеличеніемъ заработной платы рабочій поднимается на ступень выше.

Но для фабриканта эта стачка самая чувствительная: она отнимаетъ у него часть прибыли, прибыль—богъ фабриканта! Особенно ненавидитъ эту стачку фабрикантъ начинающій дѣло, который еще не имѣетъ достаточно капитала и техническихъ знаній, чтобы съ помощью новыхъ машинъ и при *болѣе дорогой* рабочей силѣ *удешевить, уменьшить* расходы производства.*)

Стачки изъ-за заработной платы бываютъ двоякаго рода: стачка ради увеличенія заработной платы и стачка противъ уменьшенія рабочей платы.

Понятно, что послѣднія бываютъ вездѣ и всегда

---

*) Причину, почему фабрикантъ такъ боится и трепещетъ передъ увеличеніемъ заработной платы, покажетъ слѣдующій простой и каждому понятный расчетъ. Если на фабрикѣ работаютъ 1000 рабочихъ и каждому изъ нихъ прибавить только по пяти рублей въ годъ, то вмѣстѣ будетъ 5000 рублей или процентныя деньги болѣе чѣмъ со ста тысячъ рублей! Фабрикантъ гораздо охотнѣе на эти сто тысячъ рублей купитъ новыя, усовершенствованныя машины!

самыя упорныя, потому, что у рабочаго похищаютъ часть его *обычнаго содержанія* и потому въ этихъ стачкахъ рабочіе держатся до послѣдней возможности.

Если и въ этихъ стачкахъ рабочіе должны иногда сдаться, то это потому, что фабрикантъ уменьшаетъ заработную плату тогда, когда дѣло идетъ вяло, плохо, когда господствуетъ кризисъ.

Признавая стачку главнымъ оружіемъ въ первыхъ стадіяхъ борьбы рабочихъ, мы должны учиться пользоваться этимъ оружіемъ съ толкомъ, съ умомъ.

Требовать увеличенія заработной платы во время кризиса, когда каждый фабрикантъ старается уменьшить число рабочихъ, и начать въ это время стачку, значило бы играть на руку фабриканту, значило бы дать ему возможность обойтись нѣсколько недѣль безъ выплаты заработной платы, значило бы измучить рабочихъ, чтобы они и въ будущемъ, когда дѣла опять пойдутъ бойко, не смѣли бы объявить стачку.

Рабочій долженъ учиться распознавать торговыя дѣла своего производства, долженъ умѣть хорошо расчитывать, *требовать увеличенія заработной платы, какъ только дѣла и торговля начинаютъ итти бойко.*

Тогда стачка принесетъ фабриканту только вредъ и убытокъ: она мѣшаетъ ему принимать участіе въ оживленномъ оборотѣ на рынкѣ.

Англійскіе рабочіе въ этомъ направленіи такъ наловчились, что при малѣйшемъ поднятіи цѣнъ товаровъ на рынкѣ, сейчасъ же требуютъ увеличенія заработной платы. И съ 1896 года по 1900 годъ изъ общаго числа требованій добились они въ 95 случаяхъ на 100 увеличенія заработной одной *угрозой* стачки въ случаѣ отказа. Хотя надо сознаться, что англійскій фабрикантъ умѣетъ лучше расчитывать, чѣмъ нашъ.

Но какъ же быть, что дѣлать во время застоя, кризиза?

Неужели итти на всякое уменьшеніе заработной платы. Это надо каждый разъ хорошо обсудить. Конечно, надо добиваться, чтобы уменьшеніе было по возможности наименьшее.

При этомъ надо помнить, что *время застоя* удобное для требованія *уменьшенія рабочаго времени, сокращенія рабочаго дня.* Во время застоя фабрикантъ, у котораго часть машинъ и такъ будетъ стоять безъ

дѣла, скорѣе всего согласится сократить рабочій день, если этимъ достигается уменьшеніе заработной платы.

И такъ, если нѣтъ возможности помѣшать уменьшенію заработной платы, тогда, по крайней мѣрѣ, надо требовать соотвѣтственнаго сокращенія рабочаго дня, чтобы такимъ образомъ, каждый день, на извѣстное время работать меньше, а когда застой минуетъ, можно будетъ удержать сокращенный рабочій день.

Если фабрикантъ не соглашается, то нужно прежде, чѣмъ объявить стачку, хорошо обдумать и разсудить. Можетъ быть лучше и удобнѣе будетъ рабочимъ между собою условиться, чтобы всѣ дружно, какъ одинъ человѣкъ, хуже и лѣнивѣе работали, пока фабрикантъ не сократитъ рабочій день. Эту тактику, хотя и безсознательно, успѣшно примѣняютъ солдаты во время полевыхъ работъ на экономіяхъ: изъ десяти человѣкъ одинъ постоянно въ «отсутствіи для отправленія естественныхъ потребностей». Тактикой—хуже и лѣнивѣе работать, пользуются, какъ каждому извѣстно, и арестанты во время принудительныхъ работъ. Но во всякомъ случаѣ, во время застоя наибольшій успѣхъ можетъ имѣть стачка ради сокращенія рабочаго дня.

Это мы видимъ и заграницей: во время кризиса стачки ради сокращенія рабочаго дня встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ бойкое время, когда всѣ фабрики работаютъ на всѣхъ парахъ.

Даже новыя машины изобрѣтаютъ и вводятъ во время кризиса: въ бойкое время каждый день остановки приноситъ громадный убытокъ. При томъ во время кризиса по улицамъ городовъ снуютъ много безработныхъ, и правительство боится крупныхъ безпорядковъ.

Потому и отъ *правительства въ такое время возможно вырвать какой нибудь новый законъ о сокращеніи рабочаго дня.*

Въ такое время фабриканты болѣе просвѣщенныхъ мѣстностей соглашаются на уменьшеніе рабочаго дня закономъ, чтобы удобнѣе соперничать съ фабрикантами отсталыхъ мѣстностей, гдѣ рабочій день непомѣрно длиненъ. Такъ, напримѣръ, въ 1894 году фабриканты города *Лодзъ* (въ Польшѣ) просили правительство издать законъ о сокращеніи рабочаго дня для всей Россіи.

Это все надо помнить какъ разъ въ теперешнее «время застоя».

Другіе виды стачки имѣютъ у насъ пока еще мало значенія.

Вездѣ и всегда надо помнить, что во время застоя для самого фабриканта иногда выгодно, чтобы машины временно не работали; онъ бы самъ на время рабочихъ «уволилъ» бы, вытолкнулъ ихъ на улицу, но боится, что послѣ, въ бойкое время, негдѣ будетъ взять столько хорошихъ труженниковъ. Притомъ если фабрикантъ самъ закрылъ бы фабрику, не считаясь съ рабочими, остальной народъ былъ бы недоволенъ. Но стачка — что подѣлаешь? И фабрикантъ не виноватъ! Требовать измѣненій въ порядкѣ работъ, въ фабричномъ устройствѣ, устраненія вредныхъ вліяній теперь во время застоя удобнѣе, чѣмъ въ другое время!

Однимъ словомъ въ застойное время нельзя поощрять къ стачкѣ, но нельзя и вполнѣ отказываться. Только все обдумать, все расчитать! При томъ надо помнить, что и проигранная стачка — не всегда пораженіе, — иногда она шагъ къ побѣдѣ.

Особенно удобно время застоя для празднованія перваго мая, какъ протеста противъ существующаго порядка или вѣрнѣе непорядка.

Но въ это время особенно надо стараться удерживаться отъ насилій и разгромовъ, на которыя такъ легко подстрекнуть большую толпу безработныхъ. Фабрикантамъ, дорого застраховавшимъ свои фабрики, эти «разгромы» только на руку: получатъ деньги отъ страхового общества и избавятся отъ части самыхъ опасныхъ враговъ, которыхъ перестрѣляютъ или арестуютъ. Борьба рабочихъ и въ тяжелое время должна быть спокойной и тѣмъ болѣе внушительной.

Еще одно надо помнить: *стачка должна доказать силу массы рабочихъ и ихъ единодушіе.* Фабриканты и правительство смотрятъ на все рабочее движеніе, какъ на слѣдствіе возбужденія «неблагонамѣренныхъ людей» и вездѣ ищутъ вожаковъ. Потому не посылайте во время стачки выборныхъ, а требуйте, чтобы переговоры велись со всею толпой. Вы уже знаете, что выборныхъ ловятъ и арестуютъ, какъ зачинщиковъ, вожаковъ движенія. Докажите, что вы всѣ единодушны, какъ одинъ человѣкъ! Всѣхъ васъ аресто-

вать нельзя: это было бы раззореніемъ для самого фабриканта.

Только тогда ваша борьба будетъ успѣшна, когда противники убѣдятся, что ваше движеніе не дѣло «возмутителей», но дѣло всей массы рабочихъ, дѣло народа.

Бойкотъ и его значеніе.

Парнель, руководитель ирландскаго крестьянскаго движенія, въ 1880 году въ одномъ собраніи спросилъ:

— Что дѣлать съ арендаторомъ, нанимающимъ усадьбу, изъ которой прогнали прежняго арендатора?

— Застрѣлить—раздалось въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, не застрѣлить! Есть другой, болѣе человѣчный способъ: признать его какъ бы прокаженнымъ и прервать съ нимъ всякія сношенія.

Этотъ совѣтъ былъ исполненъ въ томъ же году. Въ какомъ то ирландскомъ имѣніи управляющій уже нѣсколько лѣтъ безчеловѣчно обращался со своими арендаторами.

Это породило негодованіе и ненависть не только между его арендаторами, но и среди окрестныхъ жителей. Вотъ и порѣшили прервать съ управляющимъ всякія сношенія, какъ общественныя, такъ и хозяйственныя и не только съ управляющимъ, но и со всякимъ другимъ, кто вступилъ бы съ нимъ въ какія либо сношенія. Усадьбы остались безъ арендаторовъ, поля не обработанными, и управляющій оказался побѣжденнымъ. Фамилія его была Бойкотъ. Съ тѣхъ поръ слово «бойкотъ», «бойкотировать» вошло въ моду, какъ слово, которымъ обозначаютъ *подобный способъ борьбы* противъ извѣстнаго лица или лицъ. Самъ способъ такой борьбы былъ извѣстенъ раньше, чѣмъ это его названіе. Даже въ Россіи имъ уже пользовались раньше: наприм., дерптскіе (юрьевскіе) студенты успѣшно пользовались имъ противъ трактирщиковъ, или же противъ своихъ же товарищей-студентовъ, точно также рабочіе въ Ригѣ и Либавѣ пользовались имъ противъ корчмарей и мелкихъ лавочниковъ. Какъ средство борьбы въ рабочемъ движеніи,

«бойкотъ» впервые примѣнили въ Америкѣ и тамъ онъ развился, и имъ пользуются въ обширныхъ размѣрахъ.

Познакомимся съ разными видами «бойкота» въ Америкѣ:

1) Рабочіе бойкотируютъ товары фабриканта, который не исполняетъ ихъ требованій, т. е. рабочіе *не покупаютъ ихъ*, или еще болѣе — желѣзнодорожные рабочіе, или извозчики отказываются перевозить, или носить эти товары и т. д. Если данные товары расчитаны на спросъ рабочихъ, то хорошо организованный бойкотъ можетъ оказаться очень сильнымъ средствомъ. Американскіе рабочіе союзы идутъ еще дальше: они выдаютъ фабрикантамъ, выполняющимъ требованія рабочихъ, особыя марки, которыя приклеиваются къ товарамъ. (Такія марки называются «лебелами»). Въ лавкѣ рабочій сперва смотритъ, есть ли на товарѣ марка его общества,—если нѣтъ, онъ не покупаетъ.

2) Рабочіе бойкотируютъ фабриканта, т. е. они отказываются работать у извѣстнаго фабриканта и даже у всякаго другого, кто ведетъ какія либо дѣла съ бойкотированнымъ фабрикантомъ.

3) Рабочіе бойкотируютъ другихъ рабочихъ и вообще другихъ лицъ, (т. е. прерываютъ съ ними всякія сношенія, какъ съ прокаженными), которыя состоятъ въ какихъ либо сношеніяхъ съ бойкотированнымъ фабрикантомъ или другимъ лицомъ.

Изъ товаровъ въ Америкѣ чаще всего бойкотируютъ газеты. Какъ примѣръ обширнаго бойкота, можно привести бойкотъ противъ спальныхъ вагоновъ Пульмана. Компанія Пульмана имѣетъ монопольное право возить по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Америки свои спальные вагоны. Когда на фабрикѣ Пульмана возникла стачка, рабочіе (кондуктора и т. д.) всѣхъ желѣзныхъ дорогъ отказывались ѣхать, если въ составѣ поѣзда былъ хоть одинъ вагонъ Пульмана. Или возьмемъ другой примѣръ. Очень хорошо организовались и дружно держатся въ городѣ Чикаго (Сѣверной Америки) рабочіе на постройкахъ. Большая часть ихъ состоитъ членами рабочихъ союзовъ. Инспекторъ рабочаго общества обходитъ постройки. Если онъ увидитъ среди рабочихъ, незнакомое ему лицо, то онъ требуетъ его членскій билетъ. Если билета нѣтъ, т. е. рабочій не принадлежитъ ни къ одному рабочему союзу, то инспекторъ

запрещаетъ другимъ рабочимъ - членамъ работать вмѣстѣ съ этимъ не членомъ.

На одной постройкѣ вмѣстѣ могутъ работать только члены рабочихъ союзовъ.

Но въ такихъ обширныхъ размѣрахъ бойкотъ примѣняется рабочими только въ Америкѣ. Въ Европѣ онъ чаще всего примѣняется по отношенію къ извѣстнымъ товарамъ.

Въ Германіи бойкотъ часто направляется противъ содержателей трактировъ и пивоваренныхъ заводовъ, чтобы ихъ принудить сдавать свои помѣщенія рабочимъ собраніямъ.

Но возможенъ ли бойкотъ у насъ въ Россіи? Мнѣ кажется, что да! Но, конечно, не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ или Западной Европѣ. Имъ можно пользоваться противъ мелкихъ лавочниковъ и трактирщиковъ.

Эти «мелкіе люди» живутъ грошами рабочихъ а между тѣмъ стараются имъ вредить; здѣсь бойкотъ наилучшее средство.

Но иногда бойкотъ можно направить и противъ фабрикантовъ. Заграницею мелкіе капиталисты скорѣе другихъ уступаютъ требованіямъ рабочихъ,—у насъ какъ разъ наоборотъ.

У насъ мелкій фабрикантъ еще скорѣе крупныхъ зоветъ жандармовъ и городовыхъ. Бойкотировать его и всякаго, кто у него работаетъ,—не будетъ плохо.

Наконецъ, и товары бойкотировать было бы иногда нелишнимъ и вполнѣ возможнымъ. Бойкотируйте товары тѣхъ фабрикантовъ, которые скверно держатъ себя по отношенію къ рабочимъ. Объявляйте о такомъ бойкотѣ, извѣщайте самого фабриканта и рабочихъ другихъ городовъ, и рекомендуйте товары тѣхъ фабрикантовъ, которые относятся доброжелательно къ рабочимъ. Это можетъ быть очень полезно.

Бойкотируйте врачей, аптекарей, которые смотрятъ, на васъ свысока; пусть каждый, живущій на ваши мѣдные гроши, знаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, которые съумѣютъ за себя постоять.

У насъ начинаютъ развиваться общества потребителей и чѣмъ болѣе разовьется среди рабочихъ сознаніе своего собственнаго достоинства, т. е. чѣмъ больше

распространится среди рабочихъ соціалдемократія, тѣмъ лучше будутъ работать потребительныя общества. Ихъ цѣль удешевить товары и дать возможность рабочимъ за тѣ же деньги получать товаровъ больше и лучшаго качества. Но онѣ могутъ также успѣшно способствовать бойкоту по отношенію къ тѣмъ или другимъ товарамъ.

Въ рабочемъ движеніи нѣтъ средства не стоющаго вниманія, ничтожнаго. Изъ капель дождя образуется море, изъ отдѣльныхъ орудій борьбы и битвы образуется цѣлый арсеналъ. Съ умомъ и разсудкомъ пользуйтесь всѣми средствами, на какія только указываютъ вамъ заграничные примѣры. И мы достигнемъ многаго, несмотря на всѣ притѣсненія, которыя ложатся тяжелымъ бременемъ на насъ и неизвѣстны нашимъ заграничнымъ товарищамъ.

Но до сихъ поръ, говоря о средствахъ и способахъ борьбы, мы разсматривали только оружіе, направленное прямо противъ врага. Но какъ намъ содержать, какъ организовать, собственные полки? Рабочимъ необходимо соединяться въ общества, союзы, кассы для стачекъ и другихъ цѣлей борьбы.

Объ этихъ обществахъ и союзахъ поговоримъ другой разъ, а теперь остановимся на вопросѣ о *безработицѣ*, отъ которой, въ настоящее время, такъ страдаетъ рабочій людъ.

Причины безработицы и ея значеніе въ жизни рабочаго.

Капиталистическое производство, опирается на свободную конкуренцію (соперничество). Ея призывъ: что достанешь, то твое! Чѣмъ больше товаровъ можетъ производить фабрикантъ, тѣмъ онъ надѣется на большую прибыль, если только успѣетъ все продать, т. е. найти «рынокъ» для своихъ товаровъ.

На товарномъ рынкѣ происходитъ ожесточенная конкуренція между капиталистами. Въ капиталахъ для производства недостатка нѣтъ. Банки готовы оказать кредитъ каждому, у кого уже имѣется сколько нибудь капиталу. И въ рабочихъ недостатка нѣтъ: даже во время процвѣтанія промышленности часть рабочихъ остается

безъ дѣла, безъ работы, число рабочихъ растетъ, и кромѣ того, благодаря постояннымъ усовершенствованіямъ машинъ, рабочій съ каждымъ годомъ можетъ производить все больше и больше товаровъ. Такимъ образомъ количество произведенныхъ товаровъ увеличивается даже тогда, когда число рабочихъ уменьшается.

Затрудненія, которыя иногда приходится испытывать капиталистическому производству, надо искать на всемірномъ рынкѣ. Если на рынокъ въ какой-нибудь городъ привезутъ мало масла, то несмотря на то, что оно поднимется отъ этого въ цѣнѣ, его раскупятъ очень скоро. Это сдѣлается извѣстнымъ и, посмотрите, черезъ нѣкоторое время на рынокъ этого города привезутъ больше масла, чѣмъ его требуютъ покупатели. Цѣна на него понижается, и все-таки часть масла останется не проданной. Мы можемъ себѣ представить, что всѣ мелкіе рынки соединены вмѣстѣ въ одинъ огромный всемірный рынокъ, гдѣ происходитъ то же самое, но только въ гораздо болѣе запутанномъ видѣ.

Какъ только цѣны на какой нибудь товаръ поднимаются, то начинаютъ производить его больше, основываютъ новыя фабрики. Цѣны должны падать, но съ уменьшеніемъ цѣны товары распространяются тамъ, гдѣ раньше ихъ не покупали, и торговля опять идетъ бойко. То же самое происходитъ со всѣми товарами, взятыми вмѣстѣ.

Хлопчатобумажныя ткани (ситецъ) считались раньше нарядами англійскихъ и другихъ богачей, а теперь ихъ носитъ не только русскій крестьянинъ, но и африканскій негръ. Гдѣ только открывается новый рынокъ, туда сейчасъ всѣ бросаются, чтобы скорѣе нажиться. Но при этой поспѣшности нельзя расчитать, не производится ли даннаго товара больше, чѣмъ требуется. Нельзя вѣдь знать, сколько товаровъ производили фабриканты въ чужихъ странахъ, неизвѣстно даже, сколько производилось на сосѣдней фабрикѣ. Но если бы это и было извѣстно, то фабриканты все же не удержались бы отъ производства? Каждый вѣдь надѣется скорѣе продать свои товары, а у другого пусть они лежатъ въ амбарахъ. Въ этой сумятицѣ наступаетъ, въ концѣ концовъ, перерывъ. Товары приходится продавать въ убытокъ, да и то не находится покупателей.

Производство сокращается, — часть рабочихъ увольняются: пускай они идутъ, куда глаза глядятъ.

Мелкіе фабриканты не могутъ сбыть своихъ товаровъ, не могутъ заплатить своихъ долговъ и объявляютъ себя банкротами. Кредиторы, банкиры начинаютъ суетиться и урѣзывать кредитъ крупнымъ фабрикантамъ, такъ что и тѣмъ теперь становится трудно выполнить обязательства. Только самые большіе тузы, если и терпятъ убытки, то все же спокойно смотрятъ, какъ одинъ за другимъ исчезаютъ ихъ конкуренты. Но и имъ трудновато. Во время банкротствъ товары выбрасываются на рынокъ за безцѣнокъ; продаются дешевле, чѣмъ стоило производство. Но съ другой стороны на рынкѣ много дешевыхъ рабочихъ, которыхъ выбросили изъ другихъ фабрикъ; изобрѣтатели предлагаютъ новыя машины, производящія дешевле старыхъ. Дорогихъ рабочихъ увольняютъ и нанимаютъ дешевыхъ, умирающихъ съ голоду, или покупаютъ новыя машины, которыя и при меньшемъ числѣ рабочихъ производятъ больше и дешевле.

Во всякомъ случаѣ и самые богатые фабриканты увольняютъ часть рабочихъ, и тѣ остаются безъ работы. Фабрикантъ только не получаетъ прибыли или въ самомъ худшемъ случаѣ живетъ на счетъ конкурснаго управленія; съ голоду и во время кризиса еще не умеръ ни одинъ фабрикантъ. Но рабочій безъ работы умираетъ съ голоду! Во время кризиса и безработицы въ рабочей средѣ смертность сильно увеличивается.

«Недостатокъ работы» такъ тѣсно связанъ съ капиталистическимъ способомъ производства, что онъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока самъ рабочій не сдѣлается распредѣлителемъ этого производства. Теперь рядомъ съ амбаромъ, который переполненъ хлѣбомъ, лежитъ бѣднякъ, не имѣющій корки хлѣба! Торговцы жалуются, что хлѣба черезчуръ много, нѣтъ покупателей—и тутъ же рядомъ тысячи умираютъ съ голоду!

Одни, работая, выбиваются изъ силъ, другимъ не даютъ работы — пусть умираютъ съ голоду, третьи не работаютъ, но заплываютъ жиромъ. Въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ все это будетъ устранено, тамъ не только всѣ будутъ имѣть «право работать» и быть сытыми, тамъ всѣ будутъ должны работать.

Но вѣдь не сидѣть же до тѣхъ поръ сложа руки и помирать съ голоду?

Конечно нѣтъ! Въ 1896 году, рабочіе города Риги хотѣли основать общество для помощи товарищамъ, остающимся безъ работы. Заграницею это называютъ страхованіемъ противъ безработицы. Заграничныя общества рабочихъ на такое страхованіе обращаютъ все больше и больше вниманія. Они очень хорошо знаютъ, что лучше въ хорошіе годы понемногу откладывать въ кассу страхованія, чтобы въ трудное время помочь товарищамъ. Кто знаетъ, кому изъ насъ придется остаться безъ работы. Сегодня ты, завтра я!—Этого дѣла оставлять не надо. Пробуйте основывать подобныя общества. Если ихъ не утверждаютъ, основывайте кассы тайныя. Если вы будете въ состояніи товарищамъ, остающимся безъ работы, дать хоть небольшое пособіе, и спасти ихъ отъ голодной смерти, то они не пойдутъ къ фабриканту за пониженную заработную плату и не уменьшатъ ее. Всѣ рабочія общества взаимопомощи и другія должны помогать безработнымъ товарищамъ. Не безпокойтесь, что этимъ кассамъ когда нибудь не достанетъ средствъ. Пусть такъ, но это будетъ черезъ десятки лѣтъ, и тогда будутъ другія общества и другія возможности!

На каждаго рабочаго, оставшагося безъ работы, надо смотрѣть, какъ на своего ближайшаго товарища. Помогая ему, вы помогаете самимъ себѣ. И пусть это тяжелое время кризиса намъ послужитъ урокомъ на будущее лучшее время, которымъ мы сумѣемъ воспользоваться и приготовиться къ будущему кризису.

Берите примѣръ съ заграничныхъ рабочихъ. Они не только выдаютъ пособія, какъ только наступаетъ тихое время или стачка, но охотно выдаютъ прогонные молодымъ рабочимъ, чтобы тѣ могли поѣхать въ другой городъ искать себѣ работу. Каждый уѣзжающій рабочій уменьшаетъ на мѣстѣ конкуренцію и увеличиваетъ заработную плату. Конечно, надо позаботиться, чтобы уходящій не поѣхалъ въ такой городъ, гдѣ рабочіе также страдаютъ отъ безработицы.

Наконецъ, обратите особенное вниманіе на одинъ источникъ, откуда могутъ требовать помощь тѣ, которые остались безъ работы. Какъ сами знаете, фабриканты штрафуютъ рабочихъ.

Изъ этихъ штрафныхъ денегъ, которыя на большихъ фабрикахъ достигаютъ порядочныхъ суммъ, фабрикантъ имѣетъ право, съ согласія фабричнаго инспектора выдавать пособія больнымъ или вообще пострадавшимъ рабочимъ.

До сихъ поръ, какъ это и слѣдовало ожидать, отъ фабрикантовъ и ихъ прислужниковъ — инспекторовъ, эти пособія получали только мастера и рабочіе-сыщики. Противъ этого надо энергично бороться. Каждый рабочій, котораго уволили не по его винѣ, пусть подаетъ письменно или словесно заявленіе, чтобы ему выдали пособіе изъ этого капитала, потому что безработица крупное несчастье. Этотъ капиталъ—по *закону собственность рабочихъ, а не фабриканта.*

Рабочіе должны требовать коллективно (всѣ вмѣстѣ), чтобы эти суммы передали въ ихъ распоряженіе, потому что о больныхъ долженъ заботиться самъ фабрикантъ или разныя вспомогательныя общества, а о безработныхъ никто не заботится. Точно также надо требовать, чтобы всѣ тѣ суммы, которыя составились изъ штрафовъ, платимыхъ фабрикантами (хотя эти суммы и не велики, кто же станетъ штрафовать фабриканта!) употреблялись на пользу безработныхъ.

По закону эти суммы предполагалось употреблять на пользу пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, но за несчастные случаи долженъ отвѣчать каждый фабрикантъ за себя и свою фабрику, а не какой нибудь общій капиталъ. Этихъ требованій надо твердо держаться при всякомъ случаѣ.

Какъ уже сказано, всѣ эти средства и способы не могутъ устранить безработицу, но они могутъ облегчить безвыходное положеніе нѣкоторыхъ товарищей и, такимъ образомъ, устранить часть конкуренціи на рабочемъ рынкѣ. Чтобы устранить безработицу надо было бы сократить рабочій день настолько, чтобы всѣмъ рабочимъ доставало бы работы, не уменьшая при этомъ заработной платы. Но это-то именно и есть тотъ пунктъ, на который никогда не согласятся фабриканты.

Если мы посмотримъ, что дѣлается заграницей, то увидимъ, что тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе получаютъ довольно хорошую заработную плату и пока у нихъ есть работа, живутъ хорошо. Но какъ у насъ,

и тамъ безработица не щадитъ труженниковъ во время кризиса! Въ богатомъ всемірномъ городѣ Лондонѣ сотни тысячъ нищихъ, не имѣющихъ постоянной работы! Заработная плата англійскихъ рабочихъ несравненно выше нашей, и все-таки половина всѣхъ рабочихъ, достигшихъ 65 лѣтняго возраста, живутъ тамъ въ богадѣльняхъ. Во время кризиса, всѣ бѣдствія этого времени ложатся на плечи рабочихъ: въ Лондонѣ въ 1895 году пятая часть всѣхъ хорошо обученныхъ рабочихъ оставалась безъ работы и умирала съ голоду.

Кризисы съ безработицей — самое ужасное время въ жизни рабочаго и они особенно будятъ въ немъ недовольство теперешними порядками. Въ Австраліи, въ Новой Зеландіи въ 1890 году послѣ огромной стачки и ужасныхъ безработныхъ дней, рабочимъ удалось отчасти забрать въ свои руки бразды правленія. Въ Западной Европѣ кризисы и соединенная съ ними безработица, всегда толкаютъ рабочихъ къ политической классовой борьбѣ. Такъ будетъ и у насъ.

Борьба за политическую свободу.

Польскій писатель Нѣмоевскій написалъ небольшой очеркъ, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ дѣти земли—люди низвергаютъ правительство боговъ греческаго Олимпа.

Толпа людей, состоящая изъ булочниковъ, сапожниковъ, портныхъ и портнихъ, каменьщиковъ и тому подобныхъ мелкихъ труженниковъ освободили изъ цѣпей Прометея, принесшаго огонь на землю людямъ, за что боги Олимпа приковали его къ скалѣ, гдѣ коршунъ постоянно клевалъ его сердце. И вотъ подъ предводительствомъ освобожденнаго Прометея люди направляются къ Олимпу съ криками: «Смерть безсмертнымъ богамъ!» Боги испугались. Они почувствовали себя ничтожными противъ возгласовъ этой огромной толпы. Они спасаются у своего предводителя Юпитера-Громовержца: «Охраняй насъ! Гдѣ твой громъ, гдѣ твой царскій гнѣвъ, твоя сила?»

Но ихъ слова прерываются возгласами снизу: «Смерть безсмертнымъ! Долой ихъ! Бить ихъ!» Боги падаютъ на колѣни передъ Юпитеромъ: «Слышишь-ли? Неужели твой громъ уже безсиленъ, и можно попирать тебя ногами, можно плевать тебѣ въ глаза, можно разрушать твои дома?»

Юпитеръ нахмурилъ свои брови.—Раньше передъ нимъ трепеталъ весь міръ и колебались устои земли. Теперь замолкли одни только окружавшіе его боги и богини. Внизу волнуется толпа труженниковъ, и далеко, далеко свѣтятся ихъ факелы. Лицо Юпитера дѣлается печальнымъ и по щекамъ его текутъ слезы. Онъ поднимаетъ руку и тихо шевелитъ губами.

И совершается чудо. Съ богами и богинями совершается превращеніе. Они теряютъ свой прежній видъ, и, превращаясь въ облака, медленно расплываются въ небѣ. Олимпъ покрывается мглою, но она постепенно разсѣвается. Юпитеръ еще стоитъ на горѣ съ поднятой рукой, но его губы уже не шевелятся. Его очи тускнѣютъ, рука опускается внизъ, лицо становится неподвижнымъ. Остается одно только холодное, мертвое каменное изображеніе. Вокругъ тишина, но только издали доносятся голоса, видны факелы.

Сила боговъ сломлена!

Да, но что же это была за сила? Предразсудокъ, суевѣріе. Люди поднялись противъ нея, перестали ей вѣрить и вся эта сила исчезла, какъ туманъ разсѣянный вѣтромъ.

Если Нѣмоевскій писалъ бы не подъ гнетомъ русской правительственной цензуры, онъ вмѣсто Олимпа, взялъ бы: самодержавіе и его слугъ. На чемъ основано это самодержавіе? На предразсудкахъ и суевѣріи народа! Съ предразсудками исчезаетъ роль и значеніе царя-батюшки, Юпитера или Перуна; царь превращается въ каменный идолъ, онъ опирается исключительно на богатыхъ, а тѣ, въ свою очередь, опираются на невѣдѣніе народа. Первый знакъ неповиновенія, возстаніе, стачка разрушаетъ предразсудокъ и онъ постепенно исчезаетъ, какъ туманъ при вѣтрѣ.

Такимъ образомъ, должно, въ концѣ концовъ, погаснуть свѣтило самодержавія и оно погаснетъ безповоротно, какъ только противъ него раздастся возгласъ всего россійскаго пролетаріата: «Долой его!» Но

останется экономическая сила и зависимость отъ нея: но и эту зависимость уничтожитъ въ свое время всепобѣждающій пролетаріатъ!

И такъ ко всему сказанному о стачкѣ мы теперь можемъ еще добавить: стачка—первый камень, вырванный изъ стѣны самодержавія! Въ нашей странѣ стачка имѣетъ не только экономическое, но и политическое значеніе.

У насъ всѣ собранія и сообщества запрещены, но каждая стачка—шагъ впередъ въ смыслѣ объединенія рабочихъ. Экономическіе и политическіе интересы и права такъ тѣсно связаны между собою, что нѣтъ возможности указать границу, которая отдѣлила бы одну борьбу отъ другой.

Каждое повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня проясняетъ самосознаніе народа, каждая политическая свобода облегчаетъ экономическую борьбу и ведетъ ближе къ тому времени, когда пролетаріатъ разорветъ свои послѣднія цѣпи, свою экономическую зависимость.

Это будетъ революціей и ей, можетъ быть, труднѣе будетъ проявиться, чѣмъ всѣмъ предыдущимъ революціямъ, но за то это будетъ революція послѣдняя; это будетъ окончательная свобода, настоящее равенство, настоящее братство!

Можетъ быть потому-то и развивается эта революція такъ медленно, особенно у насъ, гдѣ она является *первою революціей*. Можетъ быть она выразится въ постепенномъ завоеваніи, право за правомъ, свободы за свободой, но можетъ быть она совершится скоро и разомъ. Этого мы не знаемъ, но мы знаемъ, что революція близится, болѣе того она уже началась.

Мы уже видѣли, что заграницей рабочіе побѣждали въ чисто-политическихъ стачкахъ, такъ напримѣръ, въ Бельгіи они въ 1893 году завоевали всеобщее, хотя и не равное избирательное право. Этотъ годъ былъ предвѣстникомъ всемірнаго кризиса 1894—1895 года. Не стоимъ ли и мы наканунѣ такихъ же событій? Къ празднику 1-го мая, какъ политической демонстраціи, мы должны относиться съ особеннымъ вниманіемъ. Но такая политическая демонстрація должна обхватывать огромныя массы рабочихъ. Мало того, эти массы должны быть *сознательными*, они должны стре-

миться къ одной цѣли, должны *сами* знать чего они хотятъ.

Поэтому, товарищи всѣхъ національностей, объединяйтесь между собою! Соединяйтесь и вступайте въ сношенія со всѣми сознательными рабочими Россіи.

Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь! Побѣда рабочихъ въ будущемъ неоспорима, но нашъ священнѣйшій долгъ — ускорить ее!

Нѣсколько словъ о тактикѣ борьбы рабочаго класса.

Феодальное или крѣпостное общественное устройство приближалось къ своему концу, а на его лонѣ развивался новый общественный классъ—буржуазія, имѣвшая силы и охоту захватить всю общественную и государственную власть въ свои руки. Буржуазія пріобрѣла эту фактическую силу раньше, чѣмъ феодальное устройство разрушилось.

Только эта сила буржуазіи, которая фактически была сильнѣе феодальнаго дворянства, могла разрушить и сломать крѣпостное устройство.

То же самое и въ наше время. Теперь буржуазное или капиталистическое устройство приближается къ концу, на лонѣ этого устройства развивается новый классъ людей—пролетаріатъ, который не только можетъ и желаетъ, но и долженъ захватить всю государственную и общественную власть въ свои руки. Но точно также какъ феодальное устройство исчезло только послѣ того, когда сила буржуазіи оказалась значительнѣе силы дворянства, точно также и капиталистическое устройство исчезнетъ только тогда, когда сила пролетаріата окажется значительнѣе силы капиталистовъ.

Сила буржуазіи заключалась въ ея капиталахъ; источникомъ ея силы было ея богатство: увеличивая свое богатство буржуазія рыла могилу феодализму. Сила пролетаріата заключается въ его постепенно возрастающей численности. Эту численность увеличиваетъ сама буржуазія и такимъ образомъ, она сама себѣ роетъ могилу. По численности мы уже давно сильнѣе всѣхъ прочихъ классовъ. Но наша числен-

ность имѣетъ только тогда значеніе, когда мы организованы, когда мы крѣпко держимся вмѣстѣ.

Поэтому главная, если не единственная, задача пролетаріевъ всѣхъ странъ и народовъ—организоваться, соединяться. И во всѣхъ случаяхъ борьбы, при всѣхъ ея способахъ мы прежде всего должны спросить: на сколько эта борьба, на сколько этотъ способъ борьбы способствуетъ объединенію, организаціи рабочихъ? Всѣ способы борьбы, не способствующіе или даже задерживающіе организацію обширныхъ слоевъ рабочихъ, необходимо отбросить, какъ мало цѣнные, или вредные. И наоборотъ, всѣ способы, поощряющіе рабочихъ организоваться, мы должны рекомендовать какъ полезные, если они даже и не приносятъ прямой, матеріальной выгоды. Это—краеугольный камень нашего сознанія, этого мы не смѣемъ забывать ни на мгновеніе, когда рѣчь идетъ о тактикѣ и способахъ борьбы рабочаго класса.

Поэтому мы и сказали въ началѣ этой брошюры, что стачка имѣетъ значеніе даже тогда, когда рабочіе не достигаютъ выполненія своихъ требованій. Само приготовленіе къ стачкѣ: совѣщанія, сборъ денегъ въ стачечную кассу, уговариваніе равнодушныхъ товарищей и т. п., все это является уже дѣломъ организаціи и какъ таковое имѣетъ свою цѣнность, все равно, выиграна или проиграна стачка. Даже тогда, когда рабочіе добиваются своихъ требованій, матеріальные успѣхи—ничтожны сравнительно съ этимъ моральнымъ успѣхомъ. Матеріальные успѣхи фабрикантъ можетъ уничтожить, напримѣръ, введя новыя машины, которыя двигаются скорѣе и, такимъ образомъ, въ каждую минуту выдавливаютъ изъ рабочаго большее количество труда и работы; но моральные успѣхи стачки, созданныя приготовленіемъ къ началу организаціи, не можетъ уничтожить ни богъ, ни чортъ.

Самимъ приготовленіемъ къ стачкѣ рабочіе поднялись и умственно и нравственно на ступень выше, и съ нея ихъ не можетъ столкнуть никакая сила. Разница между удачными и неудачными стачками только та, что удачныя придаютъ рабочимъ больше энергіи, напротивъ неудачныя среди менѣе развитыхъ рабочихъ могутъ понизить увѣренность въ свои силы и вѣру въ ихъ руководителей, поэтому эти послѣдніе должны

быть осторожны. Вызывая противъ себя недовѣріе, они вредятъ организаціонной работѣ.

Подобно стачкѣ, а можетъ быть и больше, организаціи рабочихъ способствуетъ и бойкотъ. Стачка, по большей части, кончается скоро, бойкотъ продолжается долго, стачка ограничена одною или нѣсколькими фабриками, бойкотъ обнимаетъ всю окрестность.

Для успѣха бойкота необходимо все время и во всей мѣстности безъ устали агитировать. И эта агитація имѣетъ огромное организаціонное значеніе.

Такимъ образомъ, какъ стачка, такъ и бойкотъ, содѣйствуютъ организаціи рабочихъ. Во время кризисовъ съ стачками надо обращаться очень осторожно, и потому приходится выбирать другіе способы, ведущіе къ организаціи рабочихъ. Такимъ способомъ можетъ быть политическій бойкотъ. Затѣмъ разумѣется, распространеніе соціалистической литературы.

Эта работа требуетъ столько ловкости, что сама по себѣ способна образовать хорошо дисциплинированную рабочую партію. Если ввозъ и распространеніе запрещенныхъ газетъ и книгъ хорошо и правильно организованъ, то мы можемъ не только сговориться и обсудить всѣ предпринимаемыя нами мѣры, мы можемъ не только въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ устроить демонстраціи во всей странѣ, но и, въ случаѣ надобности, раздать нашимъ товарищамъ оружіе.

Но еще раньше, у насъ будетъ свобода печати. Разъ въ каждый домъ будетъ доставляться вольная (нелегальная) литература, правительство не станетъ тратить деньги на цензуру.

Сначала перестанутъ наказывать тѣхъ лицъ, у которыхъ найдутъ запрещенную литературу, потому что ее станутъ находить повсюду.

Въ Петербургѣ, напримѣръ, въ 1901 году больше не наказывали тѣхъ лицъ, у которыхъ находили гектографированные бюлетени, между тѣмъ какъ 1898 г. за это сажали въ тюрьму.

Такимъ образомъ мы видимъ, что распространеніе соціалистической литературы является однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ борьбы, онъ въ высшей степени способствуетъ организаціи рабочихъ и приближаетъ часъ ихъ побѣды.

Нѣкоторые несознательные соціалисты, которые въ послѣднее время всю свою энергію сосредоточивали исключительно на устройствѣ стачекъ, во время теперешняго кризиса потеряли голову и не знали, что имъ дѣлать. Видя, что съ «экономической борьбой», какъ они называли стачки, далеко не уйдешь, они повернули въ другую сторону и начали проповѣдывать «политическую борьбу», подъ которой они понимаютъ уличныя безпорядки и политическія покушенія.

Намъ такія перемѣны направленія чужды и непонятны, мы не разъ указывали, что нѣтъ разницы между политической и экономической борьбой: всякая борьба, которая способствуетъ организаціи рабочихъ и будитъ ихъ самосознаніе,—хороша и полезна, все равно, направлена ли она прямо противъ самого капитала или его послушной служанки—правительства. Гдѣ есть возможность устроить политическую демонстрацію, тамъ надо демонстрировать; гдѣ можно устроить стачку—тамъ надо забастовать. Но политическую борьбу въ видѣ такъ называемаго террора, надо окончательно отбросить.

Само приготовленіе къ покушенію требуетъ строжайшей тайны, и отвлекаетъ отъ дѣла организаціи самыхъ способныхъ агитаторовъ, и не только не способствуетъ, но прямо задерживаетъ организацію рабочаго класса.

Поскольку рабочіе въ какой нибудь странѣ организовались и упорядочили распространеніе своей литературы, постольку они не зависятъ отъ цензуры; постольку они могутъ бороться съ фабрикантами, могутъ устраивать стачки, получать отъ товарищей пособія, удерживать отъ поступленія на извѣстныя фабрики, бойкотировать извѣстные товары, газеты и т. д. И тогда неизбѣжно отмѣняются или просто забываются всѣ законы противъ свободы печати, стачекъ и т. д.

Такимъ образомъ, первое и самое главное, что мы требуемъ отъ каждаго способа борьбы и тактики, это—способствованіе организаціи рабочихъ.

Но организовать мы можемъ только такихъ рабочихъ, которые или уже пробудились, или пробуждаются изъ своего рабскаго равнодушія. Толпу равнодушныхъ рабочихъ необходимо будить.

Будильникомъ могутъ служить теперешнія уличныя демонстраціи. Теперь, когда правительство знаетъ, что демонстранты совсѣмъ не подготовлены для битвы, теперь демонстраціи не имѣютъ характера угрозы, онѣ пока являются исключительно средствомъ агитаціи.

Они заставляютъ сотни и тысячи равнодушныхъ рабочихъ говорить и разсуждать о соціалистахъ. Такую же цѣль преслѣдуютъ расклеиваемыя и разбрасываемыя прокламаціи.

Интересно, что роль будильника берутъ на себя и наши заклятые враги своими частыми обысками и арестами.

Но это, конечно, не даетъ намъ права ослаблять нашу энергію: при всякомъ удобномъ случаѣ мы должны распространять по всей странѣ печатныя или гектографированныя прокламаціи. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ недостатка. Правительство само о томъ заботится, чтобы у насъ всегда былъ въ избыткѣ матеріалъ для прокламацій. Умѣло указывая на безсовѣстныя ужасныя дѣла нашего нагаечнаго правительства, мы не только разбудимъ до сихъ поръ равнодушные слои народа, но косвеннымъ путемъ заставимъ наше правительство отказаться отъ его звѣрскихъ пріемовъ.

Въ сѣверной Англіи уже нѣсколько лѣтъ проповѣдуютъ и примѣняютъ способъ извѣстный подъ названіемъ: «Ca'canny» (ка канни!). По русски это значитъ «ходите съ хитростью». Этотъ способъ борьбы состоитъ въ томъ, что всѣ рабочіе сговариваются работать такъ медленно и плохо и портить столько матеріалу, сколько возможно, но не объявляютъ при этомъ стачки.

Англійскіе фабриканты этой «партизанской войны» боятся больше, чѣмъ открытой стачки. Этотъ способъ борьбы безъ сомнѣнія во многихъ случаяхъ очень удобенъ, и имъ можно пользоваться и у насъ въ Россіи. Конечно, онъ можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда рабочіе единодушны. И онъ уже потому хорошъ, что содѣйствуетъ организаціи. У насъ въ Россіи этимъ способомъ борьбы слѣдуетъ пользоваться не только противъ капиталистовъ, но и противъ ихъ податливой служанки—правительства. При теперешнихъ обстоятельствахъ мы не можемъ вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ, и съ внѣшней стороны

мы должны подчиняться государственнымъ законамъ. Но «Ca'canny», поступайте разумно, разрушайте, гдѣ только возможно, народное уваженіе къ этимъ законамъ. Организуйтесь для правильнаго и систематическаго нарушенія этихъ законовъ.

Законъ нарушаемый ежедневно, неизбѣжно теряетъ силу и отмѣняется. Каждое нарушеніе современныхъ русскихъ законовъ, угнетающихъ рабочихъ,—шагъ къ свободѣ.

Притомъ «Ca'canny», не вступайте въ открытую борьбу, не давайте правительству возможности прибѣгать къ штыкамъ и пулямъ.

Показывайте видъ, что подчиняетесь силѣ и приказамъ правительства, старайтесь чтобы эти приказы и эти законы нарушались *вездѣ и каждымъ*.

Такимъ образомъ и въ деспотическихъ государствахъ народъ можетъ вліять на законодательство; такимъ образомъ и въ деспотическихъ государствахъ можно принудить министровъ передъ изданіемъ новыхъ законовъ считаться съ желаніемъ большинства народа.

Мы не нуждаемся въ конституціи, *данной* намъ царями или правителями. Такая конституція ни къ чорту не годится. Мы должны *сами брать* свои свободы. Только такія свободы будутъ дѣйствительными свободами. И мы можемъ взять всѣ свободы, если мы только сорганизуемся и сознаемъ свои силы и свои нужды!

Отъ издательства соціалдемократической организаціи „Жизнь".

Всѣ пожертвованія, деньги за литературу, рукописи и всю вообще *корреспонденцію изъ заграницы* просимъ направлять *исключительно* по слѣдующему адресу:

«The Life» 35, Blythe Vale, Catford, London, S.E.

Изъ Россіи рукописи и деньги слѣдуетъ посылать намъ чрезъ знакомыхъ, живущихъ заграницей.